

Последние пару дней Е Цзюньшу провел дома, присматривая за детьми. Сяо Шань и Лу-гэр были на подхвате, так что он не особо перетруждался — как раз была возможность немного восстановить силы.

Сейчас, в период траура, он не мог позволить себе укрепляющую пищу, да и не решался открыто лечить раны: боялся покупать лекарства и разводить вонь при их варке, чтобы не напугать младших. Приходилось во всем проявлять крайнюю осторожность.

Два яна серебра, предназначенные дяде Ли, всё еще жгли ему карман. Днем и вечером он не мог оставить малышей, поэтому всё откладывал визит, но долг нужно было отдать во что бы то ни стало.

В итоге Е Цзюньшу решил сходить пораньше утром. Он встал ни свет ни заря, наполнил котлы водой и развел огонь в печи. Убедившись, что всё под контролем и пожара не будет, он схватил серебро и поспешил к дому дяди Ли.

В деревне царила тишина, лишь изредка доносилось кукареканье петухов, да из труб тянулся сизый дымок — хозяйственные гэры начинали готовить завтрак. Небо едва начало светлеть, но этого было достаточно, чтобы Е Цзюньшу видел дорогу.

Шел он быстро. Несмотря на свист холодного ветра, холода он не чувствовал, напротив — на лбу выступила легкая испарина.

Вскоре показался дом дяди Ли. Ограда здесь была крепкая, сложенная из камней и плотно утрамбованной глины, высотой в человеческий рост. Как Цзюньшу ни подпрыгивал, вытягивая шею, заглянуть во двор не получалось, и он не знал, проснулся ли хозяин.

Подойдя к воротам, он прислушался и уловил во дворе какое-то движение. Значит, дядя Ли уже на ногах и, судя по всему, находится во дворе.

Цзюньшу уже занес руку, чтобы постучать, но едва коснулся дерева, как створка слегка подалась.

«Хм? Не заперто?»

Он легонько толкнул дверь, и та со скрипом отворилась.

Звуки во дворе стали четче. Просунув голову в проем, юноша увидел дядю Ли: тот отработывал удары. Движения его были плавными, но разящими, а в воздухе стоял свист от стремительных взмахов рук.

Глаза Е Цзюньшу азартно блеснули. Он замер, боясь моргнуть, и во все глаза наблюдал за тренировкой, чувствуя, как внутри всё зудит от желания научиться чему-то подобному.

Заметив, что дядя Ли скользнул по нему взглядом, Цзюньшу громко спросил:

— Дядя Ли, можно войти?

Охотник лишь едва заметно кивнул в знак согласия, не прерывая упражнений.

Юноша быстро шмыгнул внутрь и встал в сторонке, терпеливо дожидаясь окончания тренировки. Кровь в его жилах буквально закипала от восторга.

Вскоре Ли Хуньин сделал резкое завершающее движение, выходя из стойки. Вытирая пот со

лба, он коротко бросил:

— Что-то случилось?

Е Цзюньшу расплылся в улыбке:

— Я пришел за своей одеждой. Думаю, она уже просохла?

В тот день он в спешке оставил свои вещи здесь. И пускай на них наверняка зияли дыры и разошлись швы, после починки их еще вполне можно было носить.

Ли Хунъин кивнул, ушел в дом и через минуту вернулся, неся в руках его одежду.

Е Цзюньшу протянул руку за одеждой, и в ладони чудесным образом оказались еще два знакомых фарфоровых флакона.

Ли Хунъин буднично произнес:

— Пилюли — по одной раз в три дня, за полмесяца поправишься. Мазью мажься, как время будет.

— О...

Цзюньшу сжал флаконы в кулаке. Он немного посомневался, но отказываться от доброты дяди Ли не стал. Вообще-то он планировал дать ранам зажить самим, по старинке, но раз дядя Ли дал лекарство — а оно у него было на редкость действенным, — Цзюньшу и сам захотел встать на ноги поскорее.

Он опустил взгляд, достал из-за пазухи два лян серебра и, посмотрев на Ли Хунъина, улыбнулся:

— Дядя Ли, это ваша доля от нас с Хао-цзы. Денег немного, но, надеюсь, вы не побрезгуете.

Ли Хунъин мельком глянул на серебро и сухо отрезал:

— Мне не нужно.

Цзюньшу проявил настойчивость:

— Вы это заслужили. Дядя Ли, если бы не вы, мы бы с Хао-цзы в том лесу либо сгнули, либо остались калеками. Мы даже не знаем, как вас отблагодарить... В общем, вы обязаны это взять!

Ли Хунъин посмотрел сверху вниз на этого коротышку. Если бы перед ним не стоял десятилетний ребенок, он бы по одному только взгляду решил, что говорит со взрослым мужчиной. Помолчав и глядя глаза в глаза, Ли Хунъин всё же забрал серебро.

— Хорошо, я принимаю.

Е Цзюньшу с облегчением выдохнул — заготовленная гора убедительных доводов так и осталась невысказанной. Вроде бы дело было сделано, и пора бы уходить, но слова прощания никак не шли с языка. Цзюньшу опустил голову; мысли, крутившиеся на уме, так и просились наружу, но он никак не решался их озвучить.

Ли Хунъин какое-то время внимательно изучал Цзюньшу, о чем-то раздумывая, и вдруг

спросил:

— Чжоу-цзы, какие у тебя планы на будущее?

Цзюньшу не понял, к чему этот вопрос, но ответил честно:

— Дядя Ли, честно говоря, я и сам толком не знаю. Сейчас все мои мысли только о том, как вырастить и прокормить братьев. Когда срок траура выйдет, попробую, наверное, найти какую-нибудь работу в уезде, чтобы семью содержать.

Дети дома совсем маленькие, Цзюньшу был к ним привязан и не мог надолго уезжать, так что приходилось искать способы заработка поблизости. Раз он несколько лет учился грамоте, можно было бы устроиться счетоводом в какую-нибудь лавку: работа не пыльная, платят неплохо, да и домой к детям можно часто навещаться.

Впрочем, так далеко он еще не заглядывал. Сейчас главной задачей было пережить эти два с лишним года траура. Его план был прост: в свободное от полевых работ время учить деревенских ребятишек грамоте в обмен на еду, а в остальное время ходить в горы за грибами, травами или чем-то, что можно продать. Запросы у него были скромные: лишь бы не помереть с голоду, да чтобы братья росли здоровыми.

Ли Хуньин сказал:

— Поучись-ка ты у меня боевому искусству. Обучу тебя приемам охоты, сможешь дичь добывать — и сами мясо увидите, и, если повезет, на продажу останется.

Глаза Е Цзюньшу мгновенно вспыхнули:

— А можно?!

Он всегда знал, что дядя Ли — человек бывалый и сильный, и сам давно хотел привести свое тело в порядок. Ведь здоровье — это главный капитал. Только вот путей для этого не было: приходилось тренироваться по памяти, вспоминая что-то из современного тайцзи или тхэквондо, но те занятия в прошлой жизни были скорее забавой, и он почти всё забыл. Максимум, на что его хватало — это отжимания да бег. Если бы он смог перенять мастерство дяди Ли, то хотя бы в горах за дичью или травами не пришлось бы трусливо оглядываться на каждый шорох, да и копеечка лишняя за добычу...

Эта мысль давно не давала Цзюньшу покоя, но он никак не смел спросить. Они ведь не родня, с какой стати дяде Ли обучать его своим секретам? Давить на жалость, прикрываясь тяжелым положением семьи, казалось ему низким — это было бы похоже на моральный шантаж. В мире полно людей, живущих куда тяжелее, и если бы каждый мастер был обязан их обучать просто ради их спасения, то такие люди были бы просто эгоистами, не думающими о других. С чего бы мастеру отдавать тебе дело всей своей жизни, которым он кормится? Помощь — это милость, а не обязанность. Никто никому ничего не должен.

Именно поэтому Цзюньшу молчал. Но теперь, когда дядя Ли сам предложил... значит ли это, что он действительно готов учить?

Сердце Цзюньшу заколотилось, он с надеждой и тревогой посмотрел на охотника.

— Дядя Ли, вы правда согласны учить меня? Не слишком ли это вас обременит?

— Обременит, и еще как... — буркнул Ли.

Е Цзюньшу: «...»

— Однако, — Ли Хунъин сменил тон на более суровый, — я учу строго. Если не сможешь терпеть боль и трудности...

— Смогу! Какие бы невзгоды ни выпали, я выдержу! — торжественно пообещал Цзюньшу. Упустить такой шанс раз в жизни он просто не имел права.

Ли Хунъин не стал ни подтверждать, ни отрицать.

— Учитель... — Цзюньшу уже собрался было пасть на колени, чтобы совершить официальный обряд поклонения мастеру, как Ли Хунъин его остановил.

— Не зови меня учителем. Я просто обучу тебя базе, и всё.

— Есть, — радостно ответил Цзюньшу. Теперь он готов был слушаться дядю Ли в чем угодно. С трудом сдерживая ликование, он полюбопытствовал: — Дядя Ли, а когда я выучусь, я смогу запрыгивать на деревья и крыши? Сбивать листья летящими цветами? А если я скрою свое дыхание, люди правда меня не заметят?

Цзюньшу уже всю представлял себя героем из книг: как он летает на легком шагу (цингун), разбивает камни голой грудью благодаря внутренней энергии (нэйгун) и вообще выглядит чертовски круто, привлекая взгляды прекрасных гэр. В общем, прямая дорога на вершину жизни!

Ли Хунъин дернул уголком рта, странно посмотрел на юношу и после долгой паузы выдохнул:

— Ты слишком многого хочешь.

— А? — Неужели всё не так?

Ли Хунъин подумал, что его недавнее впечатление о ребенке со «взрослой душой» было явной ошибкой. Он скомандовал прямо:

— Вставай в стойку всадника.

— О.

Цзюньшу послушно отставил ногу в сторону, развел ступни и присел, принимая, как ему казалось, эталонную стойку. Ли Хунъин обошел его кругом, хлопнул по спине, заставляя выпрямиться, и легким движением ноги подцепил его стопу, заставляя расставить ноги шире, а таз опустить ниже.

Е Цзюньшу тут же скривился и зашипел от боли. Дядя Ли что, забыл, что он весь в синяках?!

Ли Хунъин удовлетворенно кивнул и буднично произнес:

— Запомни это положение. С этого дня каждое утро стой так по часу. Как наступит новый год — приходи ко мне.

И с этими словами он просто... ушел в дом?

Е Цзюньшу замер в полном недоумении. И это всё? И это — весь урок? Просто стоять в стойке всадника?

«...Ну да ладно, все великие мастера начинали с азов. Я только в начале пути, так что база — это самое важное». «Когда Небо собирается возложить на человека великую миссию, оно сперва утруждает его сердце и волю, изнуряет его мышцы и кости...» — принялся он подбадривать себя древними мудростями.

Е Цзюньшу честно простоял в стойке всадника еще какое-то время, но небо заметно светлело, и мысли о домашних делах начали перевешивать. Долго он не выдержал.

— Дядя Ли! — крикнул он в сторону дома. — Я пошел! Обещаю, что с завтрашнего дня буду тренироваться каждое утро без пропусков!

Услышав из-за двери короткий отклик, Цзюньшу выпрямился, размял затекшие ноги и, лелея мечту стать когда-нибудь непревзойденным мастером, легкой походкой припустил домой.

Правда, реальность оказалась куда прозаичнее. Лишь начав учиться по-настоящему, Е Цзюньшу понял: «мастера боевых искусств» из легенд — это во многом плод воображения. Умение скрывать дыхание и владение невероятными техниками — это результат изнурительных тренировок с самого раннего детства. А умение «летать по крышам»? На деле это просто долгая практика, позволяющая карабкаться по стенам чуть ловчее и быстрее обычного человека...

Первый снег в этом году выпал глубокой ночью, когда все еще видели сны. С вечера шел проливной холодный дождь, который к середине ночи сменился ледяной крупой, а под утро превратился в пушистые хлопья.

Когда Е Цзюньшу открыл дверь, его взору предстала картина, достойная кисти художника: всё вокруг было укрыто чистейшим белоснежным ковром. Снежинки плавно опускались на крыши, на ветки деревьев, на землю и — в самое сердце Е Цзюньшу. Он постоял под навесом, любуясь безмолвной красотой, затем похлопал себя по остывшим щекам и, выдыхая облачка пара, направился на кухню.

В последние дни небо было серым и хмурым, а со снегом мир вокруг будто стал светлее. Холода еще не вошли в полную силу, но в комнате уже вовсю топили жаровню. Дрова уходили быстрее, чем он рассчитывал — кан приходилось поддерживать теплым круглые сутки. Спасибо дяде Фану за древесину, иначе он и представить не мог, как бы они выжили в такую стужу. С древесным углем он тоже не рассчитал, и если бы вчера дядя Хуа не принес огромный мешок, пришлось бы совсем туго.

Вспомнив о дяде Хуа, Е Цзюньшу невольно вздохнул. Дядя Хуа был отцом маленького Сяо Чжи и Ло-гэра. Он вместе со старшим сыном, Е Цзюньи, уходил на заработки и вернулся в деревню вместе с остальными работягами всего пару дней назад. Так уж сложилось, что отец Цзюньшу был человеком грамотным и уважаемым, поэтому многим детям в этом поколении имена давал именно он — оттого они и звучали так благородно, без привычного деревенского налета.

Когда дядя Хуа и Цзюньи-гэ вернулись, на них лица не было от усталости: щеки впали, кожа да кости, настоящие беженцы. Видимо, на тяжелых работах их кормили впроголодь. Мин-аму, глядя на них, не мог сдержать слез и теперь изо всех сил старался откормить своих домашних.

Е Цзюньшу смотрел на это с тяжелым сердцем. В это время у простых людей было мало способов заработать. Те, кто не владел грамотой, могли полагаться только на свою грубую силу, которая ценилась до обидного дешево. Только теперь Цзюньшу начал понимать, почему соседи так благодарны ему за уроки грамоты для их детей. Они не только помогали по хозяйству, но и старались принести братьям Е что-нибудь вкусненькое из своего скудного рациона, лишь бы он не передумал учить их сорванцов.

Доброта здесь была взаимной: соседи помогали сиротам, он учил их детей, а те в ответ старались отплатить сторицей... Что ж, его возможности были ограничены, и всё, что он мог — это вносить свою скромную лепту в жизнь деревни.

Снег всё валил, не прекращаясь несколько дней подряд. Дети, которые поначалу были в восторге, быстро приуныли. Из-за сугробов стало трудно передвигаться, и вся деревня фактически заперлась по домам, пережидая зиму. Е Цзюньшу не разрешал младшим выходить на улицу, позволяя лишь ненадолго открывать окошко, чтобы подышать свежим воздухом. Жизненное пространство детей сузилось до размеров одной комнаты, и Сяо Шань уже, кажется, выучил каждую трещинку на полу.

Чтобы они совсем не закисло, Е Цзюньшу играл с ними в простенькие игры и даже притащил книги из кабинета, чтобы читать вслух. Сперва он хотел рассказывать анекдоты, но таланта рассказчика у него не оказалось: он начинал смеяться раньше времени, а дети смотрели на него с недоумением, совершенно не понимая соли шутки. Сказки тоже не задались — вышло сухо и скучно.

В итоге Цзюньшу сдался и начал просто читать им книги. Под руку попались путевые заметки — их он и читал слово в слово. Большинство книг в доме, кроме тех, что прислал Цинь Яолян, были куплены его отцом. Когда у того водились деньги, он скупал всё, что книготорговцы советовали для подготовки к экзаменам. Прежний Е Цзюньшу перечитал их по многу раз и знал почти наизусть, а нынешний теперь просто освежал знания.

К счастью, дети были маленькими и в холод много спали. Нагретый кан и уютные одеяла делали свое дело: они засыпали вечером и просыпались только к полудню. Поиграв и поев, они снова укладывались на дневной сон до самых сумерек. Так что свободного времени у Е Цзюньшу стало даже больше, чем раньше.

Сам он спал немного и порой страдал от безделья. Наткнувшись на переписанные Цинь Яоляном классические каноны — «Четверокнижие» и «Пятикнижие», — он решил заняться их повторением и заучиванием. Часть «Четверокнижия» он уже проходил в школе, но не успел вникнуть в суть до того, как бросил учебу.

«Раз уж есть время, займись самообразованием, — рассудил он. — В будущем пригодится, когда Сяо Шаню или Пятому придет пора учиться».

Углубившись в чтение, Е Цзюньшу заметил одну странную вещь: его память стала гораздо острее, чем раньше. Причем не только по сравнению с его «современной» версией, но и по сравнению с «древней».

Книгу, на которую маленькому Цзюньшу раньше требовалось три-четыре повторения, он теперь запоминал почти дословно после двух прочтений. Может, слияние двух личностей как-то расширило его «объем памяти»? Конечно, чтобы цитировать без запинки, нужно было пройти еще пару раз, но и это был огромный дар.

Для Е Цзюньшу это стало великолепной новостью. Он с оптимизмом прикинул: если так пойдет

и дальше, то через пару лет спокойного чтения он, глядишь, и на звание сюцяя (первой ученой степени) сможет замахнуться.

Статус сюцяя давал право на освобождение от налогов для двадцати му земли — а это, на минуточку, дело серьезное!

Е Цзюньшу рассудил так: через пару лет ему всё равно придется покупать землю. В деревне без своего надела на душе беспокойно, да и вечно покупать зерно на стороне накладно — расходы выходят слишком большими. А вот когда в закромах будет свой хлеб, можно будет и в горы за дичью сходить, и трав лечебных накопать на продажу, или в уезде подработать. С таким раскладом прокормить семью будет проще простого.

«Решено, так и сделаю».

Имея четкую цель, Е Цзюньшу всё свободное время тратил на книги. Когда есть дело, дни летят незаметно.

Снег шел с перерывами полмесяца, и когда в небе наконец прояснилось, на пороге уже маячил Новый год. Сугробы во дворе намело такие, что Е Цзюньшу они были почти по пояс. Посмотрев на свои тонкие руки и ноги, он пригорюнился: сколько же времени уйдет, чтобы разгрести такие горы?

Но как бы ни было тяжело, делать нечего. Е Цзюньшу вооружился лопатой и принялся за работу. Первым делом он прокопал узкую тропинку от крыльца до ворот. Мало ли, заглянет кто, а хозяин заблокирован — неловко выйдет.

Провозившись полдня, он почувствовал, как заныли руки. Оглянулся — а прокопана всего лишь узкая полоска. Но и отдохнуть было некогда: то в дом забежит на детей глянуть, то кашу сварит проголодавшимся, то лепешку даст. Уладив домашние мелочи, он снова выходил на «снежный фронт».

Лу-гэр выбежал вслед за ним, преданно заглядывая в глаза:

— Старший брат, я помогу!

— Не надо, не надо, иди в дом, замерзнешь, — Е Цзюньшу поскорее спровадил его обратно.

Лу-гэр ростом был чуть выше сугроба — выйдет такой помощник, и его самого в снегу искать придется. Только мешаться будет.

Цзюньшу продолжил утренний труд, расчищая место у ворот, чтобы те могли открыться. Едва он распахнул створки, как на него обрушился пласт снега. Счищая его, он увидел дядю Хуа и Цзюньи-гэ: они шли друг за другом, утопая в снегу по колена, с лопатами на плечах.

Завидев юношу издали, дядя Хуа громко крикнул:

— Чжоу-цзы, со снегом воюешь?

— Да, дядя Хуа! — улыбнулся Е Цзюньшу.

Присмотревшись, он заметил, что за десять дней домашнего ухода они оба стали выглядеть намного лучше: щеки округлились, в глазах появился былой задор.

— Мы пришли подсобить, — улыбнулся Е Цзюньи, блеснув белыми зубами.

— Спасибо, дядя Хуа, спасибо, Цзюнь-гэ! — Е Цзюньшу и не думал отказываться. В семье Мин-аму мужчины работали за двоих, а он бы один эти завалы неделю разгробал.

— Да брось ты, чего с дядей церемониться?

— А вы у себя уже всё расчистили?

— Да там работы-то на полдня было, — дядя Хуа орудовал лопатой на редкость ловко, успевая при этом болтать.

Е Цзюньши работал молча, сосредоточенно вгрызаясь в снег. С их помощью дело пошло в разы быстрее. К вечеру весь двор был расчищен, а снег аккуратно сброшен в одну сторону. Проводив помощников, Е Цзюньшу с гордостью оглядел результат трудов.

На радостях он даже проявил немного детского озорства: слепил на пустом месте шесть маленьких снеговиков — по одному на каждого брата. Сяо Шань и Цинь-гэр от восторга прыгали и визжали, не в силах отвести глаз от своих снежных двойников.

Чем ближе был праздник, тем шумнее становилось в деревне. Зимняя стужа не могла остудить людской пыл. В доме Е Цзюньшу всё было скромно из-за траура, но другие семьи готовились вовсю.

К Новому году все вешали обереги и красные вырезки из бумаги. Искусные гэри соревновались в мастерстве, вырезая причудливые узоры. Если бы не траур, Е Цзюньшу сам бы начертал парные надписи на продажу — и заработал бы неплохо. Но увы, приходилось соблюдать приличия.

Впрочем, без дела он не остался. Многие деревенские дети приносили красную бумагу и просили Е Цзюньшу научить их писать поздравления. Тогда он написал на доске несколько благожелательных фраз, и дети угольками старательно копировали их на бумагу. Пусть почерк у них был кривой да косой, родители светились от счастья — им ли привередничать?

За пару дней до праздника Е Цзюньшу нажарил арахиса и бобов, закупил в уезде сухофруктов. Мин-аму, готовя для своих, заодно нажарил в масле сладостей и для семьи Е. Кроме того, Цзюньшу купил у Мин-аму большого петуха, чтобы зарезать его в канун праздника.

На Новый год нужно поминать предков, и подношения должны быть достойными. Е Цзюньшу не хотел ударить в грязь лицом перед предками, так что мясо на столе должно было быть обязательно, пусть и не в таком изобилии, как у других.

И вот наступил канун Нового года. С раннего утра в каждом дворе стоял шум: резали кур и уток. Сразу после обеда главы семейств и крепкие мужчины, прихватив корзины с дарами, приготовленные их фуланами, шумно потянулись к родовому храму. А гэри в это время принимались украшать окна и менять старые обереги на новые.

С петухом у Е Цзюньшу вышел конфуз. Он попросил Сяо Шаня подержать птицу за ноги, но едва полоснул ножом по горлу, как петух вырвался и еще долго бегал по двору. Пришлось ловить его заново. Чтобы птица больше не дергалась, Цзюньшу просто связал ей лапы и придавил ногой к земле — так дело пошло быстрее. Сяо Шаню просто не хватило сил, так что пришлось справляться самому.

Наконец, когда петух был ощипан и сварен, подошло время идти в храм. Е Цзюньшу разложил дары по двум корзинам и приготовил коромысло. Он хотел взять Сяо Шаня с собой, но дома

оставить детей было не на кого. В итоге он отправился один, встретившись по пути с дядей Хуа и его сыновьями.

Для клана Е жертвоприношение в родовом храме было делом первостепенной важности.

Церемонией заправлял староста Жун-бо. Присутствовали и те немногие старейшины, что еще остались в живых; все по очереди, согласно старшинству, возжигали благовония.

Е Цзюньшу, хоть и был совсем мал годами, уже считался главой дома, так что стоять в одном ряду с младшим поколением «Цзюнь» ему было не по чину. Жун-бо распорядился поставить его в ряд к поколению его покойного отца, на то самое место, где раньше стоял родитель. Маленький коротышка, затерявшийся среди плечистых мужиков, смотрелся нелепо, но никто и не думал смеяться — лица у всех были суровые и торжественные.

Е Цзюньшу тоже изо всех сил держал лицо. Он внимательно слушал команды: где надо — бил поклоны, где надо — опускался на колени. Обстановка была на редкость чинной. Староста зачитал длинную, написанную книжным слогом поминальную молитву: подвел итоги уходящего года, поделился надеждами на будущий и, в общем-то, попросил предков о покровительстве, чтобы жизнь в деревне становилась только краше.

Когда все разошлись по домам, Цзюньшу взял остывшего праздничного петуха, обдал его кипятком и несколько раз окунул в кипящий бульон. По дому тут же поплыл густой, дурманящий аромат мяса. Юноша отнес подношение к домашним поминальным табличкам отца (афу) и матери (аму). Цзюньшу часто зажигал здесь благовония и прибирался, так что уголок памяти выглядел опрятно и чисто. Он водрузил петуха в самый центр алтаря, а по бокам расставил плоские с сухофруктами, сладостями и жареным арахисом.

Запалив свежие благовония, он выстроил братьев в ряд и велел всем поклониться табличкам. Даже двойняшек принес — держа их на руках, помог малышам коснуться лбами пола. Когда с обрядом было покончено, он отправил детей в жилую комнату, а сам остался еще на минутку, чтобы просто «поболтать» с родителями о житейском. По закону таблички афу и аму должны простоять в доме три года, пока не закончится срок траура, и только тогда их торжественно перенесут в родовой храм, а траур будет считаться окончательно снятым.

Цзюньшу долго шепотом пересказывал их будни, а когда слова иссякли — замолчал. Посидел в тишине. Он подумал: «Пусть я не знаю, зачем оказался здесь или почему вдруг обрел память о другой жизни, но впереди еще много лет — время всё расставит по местам». Он просто будет растить этих детей и сделает из них достойных людей.

После поминовения пришла пора готовить новогодний ужин. Того самого петуха, что побывал на алтаре, им, соблюдающим тяжелый траур, есть дозволялось. Это был их единственный легальный источник мяса. Как бы ни старался Цзюньшу кормить братьев досыта, без мясного и жирного младшие всё равно заметно осунулись, а их личики приобрели желтоватый оттенок. Лишь двойняшки оставались пухленькими и белыми.

В этот раз Цзюньшу решил не скупиться — ему безумно хотелось хоть немного откормить малышей. Опасаясь, что отвыкшие от жирного желудка могут взбунтоваться, он пошел на хитрость: днем напоил всех процеженным куриным бульоном без капли жира, чтобы «подготовить» нутро к вечернему пиршеству. Впрочем, он зря переживал. У детей этой эпохи желудка были стальные — какая там диарея, когда дают мясо! Любой капле жира они были только рады.

Снаружи было шумно. Доносились хлопки петард, радостные вопли бегающей детворы. Но

семье Е в трауре полагалось сидеть тихо, и младшие братья, на редкость понятливые, даже не заикались о прогулке. Вместо этого вся орава сидела на корточках в кухне, не сводя глаз с Е Цзюньшу. Густой мясной дух стоял такой, что хоть ложкой ешь. У малышей слюнки текли рекой, но они лишь сидели смиренно, дожидаясь своей доли.

Е Цзюньшу в фартуке ловко рубил птицу, прикидывая в уме: часть мяса нужно во что бы то ни стало оставить на завтра и послезавтра. Но сегодня — канун Нового года, стол должен ломиться. Четыре сочные ножки (бедрa и голени) он уже отложил: Сяо Шаню — одну, Лу-гэру — вторую, Цинь-гэру — третью, а последнюю — двойняшкам (им как раз пора было привыкать к мясному прикорму). Крылышки он припрятал на завтра, грудку — на мясное пюре для самых маленьких... А себе? Себе он оставил голову и лапки — просто погрызть, сбить охотку.

Под пристальными взглядами голодных братьев Цзюньшу умудрялся сохранять олимпийское спокойствие. Хоть на столе и преобладали овощи, а из мясного был один лишь петух, он хитрил, соорудив целых десять разных блюд. Ему даже подумалось, что в случае чего он вполне мог бы сделать карьеру повара.

Наконец братья уселись за стол. Даже двойняшек усадили в специальные высокие стульчики, которые Цзюньшу смастерил заранее. Глава дома сел посередине, чтобы за всеми приглядывать. Увидев, что на него смотрят пять пар блестящих глаз, Цзюньшу откашлялся и, напустив на себя важности, завел праздничную речь.

Он не стал поминать горести прошлого года, а вместо этого похвалил каждого за послушание, признал свои ошибки и закончил на высокой ноте:

— ...В новом году мы будем трудиться еще усерднее, чтобы жизнь наша стала еще краше! А теперь — за еду!

Дети радостно закричали и впились зубами в свои порции. Видя, как они уплетают мясо, размазывая жир по щекам, Цзюньшу почувствовал истинное счастье. Он снова пообещал себе: «Я обязательно разбогатею. Клянусь, мои братья будут есть мясо каждый день!»

Двойняшки заворуженно гулили и тянули ручонки к тарелкам, но давать им взрослую еду было рано. Цзюньшу выдал каждому по куриной лапке — когти он заранее обрубил, мяса там почти нет, а сама кожа плотная, не прокусят. Пусть сосут и чешут десны. Малыши тут же затихли, сосредоточенно причмокивая.

Семья Е наконец-то мирно наслаждалась праздничным ужином. Цзюньшу погрыз голову, но к самому мясу больше не притронулся. Сколько раз его рука тянулась к кусочку в тарелке — столько раз он себя останавливал. Петух один, а праздников впереди несколько. Пусть детям достанется больше. В итоге он просто залил рис бульоном и ел, убеждая себя, что вкус тот же, а значит — и он поел мяса.

Сяо Шань расправился с ножкой быстрее всех. Бросив обглоданную кость на стол, он тут же принялся выживать из общего блюда мелкие кусочки.

Е Цзюньшу невзначай бросил взгляд на стол и заметил на обглоданной косточке, которую бросил Сяо Шань, остатки хрящиков — те были слишком жесткими для зубов младшего. «Выбрасывать такое — чистое расточительство», — подумал он.

Он подобрал косточку, зачерпнул ложкой немного бульона, чтобы освежить вкус, и отправил её в рот, с хрустом разгрызая. Оказалось, что внутри куриных костей есть костный мозг — раньше он никогда не пробовал его есть, а ведь это было довольно вкусно.

Лу-гэр случайно увидел эту сцену, и его глаза мгновенно повлажнели. Схватив свой недоеденный куриный окорочок, он спрыгнул с табуретки, подлетел к старшему брату и решительно впихнул остатки мяса в его миску.

— Я всё съел! — выпалил он, и прежде чем Е Цзюньшу успел что-то возразить, мальчик уже умчался обратно на место и уткнулся в рис.

Только тогда Сяо Шань осознал, что старший брат за всё время ужина так и не притронулся к мясу. Увидев в его руках обглоданную им же кость, он едва не разрыдался от чувства вины.

Он поспешно подцепил палочками самый большой кусок курицы и переложил брату:

— Старший брат, ешь мясо...

— Э-э... — Е Цзюньшу замер.

Сказать им правду они вряд ли поверят: он просто не хотел переводить продукты, а вовсе не лишал себя еды из благородства.

Цинь-гэр чуть позже остальных понял, что за столом что-то не так. Весь вечер он не сводил глаз со своего огромного куриного бедра — надкусил пару раз и замер, любуясь и не решаясь есть дальше, чтобы растянуть удовольствие. Увидев, как третий брат отдал свою долю, он смешно наклонил голову, моргнул и, преодолевая себя, пододвинул миску с заветным лакомством к Е Цзюньшу.

— Я тоже наелся. Гэгэ, ешь, — произнес он, не отрывая тоскливого взгляда от ножки.

Е Цзюньшу был тронут до глубины души. Не зря, ох не зря он растит этих сорванцов.

Он аккуратно отложил обе ножки в сторону и мягко сказал:

— Тогда оставим их на завтра, а сейчас доедайте остальное.

Цзюньшу хотел было переложить мясо от Сяо Шаня младшему Цинь-гэру, но Лу-гэр вдруг вскинул голову и с красными от слез глазами почти закричал:

— Если старший брат не будет есть мясо, то и я не стану!

Сяо Шань тут же отложил палочки, всем видом поддерживая брата.

— ... — Е Цзюньшу на мгновение лишился дара речи. Глядя в упрямые глаза Лу-гэра и на решительное лицо Сяо Шаня, он наконец сдался: — Хорошо, хорошо, я ем.

Но Лу-гэр не отступился: он внимательно следил, пока старший брат не проглотил кусок, и только тогда успокоился и вернулся к своей еде. На лице Е Цзюньшу отразилось смирение, но на сердце стало удивительно тепло. Маленький Цинь-гэр всё так же сверлил взглядом куриную ножку, покусывая свои палочки и то и дело поглядывая на брата.

Заметив этот жалобный взгляд, Е Цзюньшу спросил: — Что такое?

Цинь-гэр захлопал ресницами:

— Старший брат, а можно мне еще два разочка куснуть, а остальное — честно-честно на завтра?

Е Цзюньшу не выдержал и рассмеялся. Он ласково пододвинул миски обратно Лу-гэру и Цинь-гэру:

— Можно. Ешьте сколько влезет, а что не осилите — тогда и оставим на завтра. — Сяо Шань, ты тоже ешь.

— И ты ешь, старший брат!

— Ия! Ия! — вдруг засуетились двойняшки, протягивая свои обглоданные лапки к лицу Е Цзюньшу.

Он легонько ущипнул их за щечки и весело расхохотался. Цинь-гэр тоже начал глупо хихикать, и за столом снова воцарилась идиллия.

Когда шумный ужин подошел к концу, Е Цзюньшу прибрал посуду, и вся семья собралась вместе, чтобы поболтать и поиграть. Забыв о всякой солидности, он катал детей на спине, изображая лошадку, и покорно выполнял все их капризы.

Братья Е резвились до поздней ночи. Первым не выдержал Лу-гэр и те, кто помладше — они сладко засопели прямо на месте. Бодрствовать остались только Е Цзюньшу и Е Цзюньшань. Уложив спящих в теплые постели и поправив одеяла, Е Цзюньшу шепотом сказал второму брату:

— Сяо Шань, если хочешь спать — ложись. Я сам докараулю эту ночь.

Е Цзюньшань качнул головой: — Я побуду с тобой, старший брат.

— Хорошо, но как только устанешь — сразу скажи мне, ладно?

— Угу, — кивнул Сяо Шань.

Братья посидели в тишине. Вдруг Сяо Шань, будто вспомнив о чем-то, шмыгнул носом. Его глаза покраснели, и он дрожащим голосом прошептал:

— Старший брат, я так скучаю по афу и аму... — Крупные слезы покатались по щекам, и мальчик принялся вытирать их кулачками.

Младшие были еще слишком малы, чтобы осознать, что значит остаться без родителей. Цинь-гэр поначалу звал их, плача, но теперь его крохотный мир замкнулся на старших братьях, и он почти забыл лица афу и аму. Но Сяо Шаню было девять. Он тоже был ребенком, и жизнь без взрослых давалась ему нелегко. Он видел, как старший брат каждый день ломает голову над тем, как их прокормить, и когда не мог ничем помочь (кроме присмотра за малышами), он порой тихо плакал в подушку. При этом он знал, что он —будущий мужчина, и когда брата нет дома, на его плечи ложится груз ответственности. Он старался быть сильным. Но сейчас, перед старшим братом, он позволил себе минутную слабость.

У Е Цзюньшу защемило в груди, а к горлу подкатил ком. Он часто заморгал, прогоняя влагу, усадил Сяо Шаня к себе на колени и глухо отозвался:

— Гэгэ тоже по ним очень скучает.

Сяо Шань уткнулся лицом в плечо брата, обхватив его за шею, и беззвучно затрясся от рыданий — он не смел плакать в голос, чтобы не разбудить остальных. Е Цзюньшу глубоко

вдохнул, глядя в потолок и пытаясь унять чувства. С трудом улыбнувшись, он произнес:

— Наш Сяо Шань вырос, стал настоящим маленьким мужчиной. Ты у меня такой молодец, так помогаешь брату...

— Гэ... гэ... гэгэ... — Сяо Шань рыдал так сильно, что не мог выговорить ни слова, лишь звал брата. Е Цзюньшу тихо откликнулся, поглаживая его по спине и шепча слова утешения.

После этой вспышки чувств силы покинули мальчика. Веки его отяжелели, и вскоре он уснул прямо на руках у брата. Е Цзюньшу еще долго сидел неподвижно, прижимая к себе Сяо Шаня. И только теперь, оставшись наедине с собой, он позволил слезам беззвучно течь по лицу.

Прошло меньше полугода с его появления здесь, а казалось — целая вечность.

Он не испугался, когда столкнулся с кабаном, не плакал, когда жизнь висела на волоске. Но сейчас, в эту особенную ночь, в тишине дома, он дал волю эмоциям. Пусть в душе он был взрослым мужчиной, но и он уставал, и ему бывало тошно, и ему хотелось всё бросить и просто накричать на весь мир...

Его пугало не отсутствие еды. Его пугали эти дети. Они были такими маленькими и так зависели от него, что он до ужаса боялся упустить что-то важное, не заметить беды. Порой усталость была такой невыносимой — и телесная, и душевная... Но он не мог дать слабину ни на миг. Не мог показать свою хрупкость перед другими. Растить столько детей одному — это было невероятно тяжело...

<http://bllate.org/book/15226/1350464>